

Религія и политика.

(Къ вопросу объ образованіи политическихъ партій).

Въ настоящей замѣткѣ я хочу, пользуясь гостепріимствомъ и широкой терпимостью редакціи «Полярной Звѣзды», затронуть чрезвычайно жгучій и очень важный, хотя и не поставленный съ достаточной остротой въ общественномъ сознаніи вопросъ—объ отношеніи религіи и политики.

Самый вопросъ для уха современнаго читателя звучитъ дико и чуждо. Какой еще разговоръ можетъ быть о религіи, этой исторической тѣни, имѣющей скоро отойти въ прошлое, въ особенности въ связи съ политикой? Однако такое отношеніе, въ особенности въ устахъ тѣхъ, кто хочет вести «реальную политику», совершенно ошибочно, ибо существованіе религіи есть такой фактъ, съ которымъ приходится считаться политику, даже совершенно отрицающему религію по общеполитическимъ основаніямъ. Мы имѣемъ въ виду не только религію въ собственномъ смыслѣ слова, но и атеистическія религіи, существованіе которыхъ, каково бы ни было ихъ качество, не подлежитъ сомнѣнію. Религія человѣчества, вѣра въ прогрессъ, Zukunftstaat, рай на землѣ и подобное—все это суть разновидности атеистической религіи, человѣкъ не можетъ жить однимъ настоящимъ, одной обыденщиной и, по божественной природѣ своей, такъ или иначе «взыскуетъ грядущаго града». И этотъ фактъ всеобщности религіи или, что здѣсь важнѣе, существованіе различныхъ религій, религіозность въ смыслѣ отсутствія индифферентизма къ религіозной (въ широкомъ смыслѣ) проблемѣ, и, въ тоже время фактъ разновѣрности, принадлежности людей къ разнымъ религіямъ распространяетъ свое

вліяніе на всѣ области человѣческой жизни, а, въ частности, и на политику.

Политическія цѣнности, которыя руководятъ политической дѣятельностью людей, не представляютъ или, точнѣе, не должны представлять собой высшихъ, самостоятельныхъ и самодовлѣющихъ цѣнностей. Самостоятельностью политическихъ цѣнностей характеризуется лишь безъидейная политика, руководимая интересомъ, личнымъ или классовымъ, какъ непосредственнымъ выраженіемъ личнаго или группового эгоизма. Такая политика, лишая всякаго идеала и основывающаяся на низшихъ, грубыхъ инстинктахъ природнаго человѣка, конечно, чужда всякой религіи (кромѣ культа своего чрева), и трудно вообще говорить объ этической или религіозной, вообще высшей цѣнности такой политики.

Въ противоположность этой классовой или эгоистической политикѣ, идейная политика, руководимая опредѣленнымъ идеаломъ, не представляя самостоятельной цѣнности, является *средствомъ* для служенія идеалу, вдохновляется высшей, не политической, но этической или религіозной цѣнностью. Отсюда она черпаетъ свой энтузіазмъ, свой паеосъ, свою духовную мощь. Моментъ идеологической представляетъ собой, стало быть, совершенно реальную силу, ибо что можетъ быть реальнѣе воодушевленія идеаломъ.

Отсюда прямой выводъ относительно того значенія для политики, какое имѣетъ общее міровоззрѣніе или религія даннаго лица, ибо только она приводитъ его къ той или иной программѣ той или иной политической партіи и оживляетъ мертвую букву партійныхъ требованій, которыя безъ этого связующаго цемента рассыпаются въ отдѣльные параграфы, частныя и малоодоушевляющія въ отдѣльности требованія. Партіи образуютъ собой духовные организмы, полныя идейнаго воодушевленія, не только дѣловой, практической частью программъ, но и своей общей вѣрой. И вѣра эта, сообразно своей природѣ, подчеркиваетъ, дѣлаетъ болѣе значительной ту или иную часть практической программы, устанавливаетъ духовную перспективу и сравнительную оцѣнку разныхъ требованій.

Итакъ, вотъ первая классификація политическихъ партій или различныхъ формъ отношенія къ политикѣ: отношеніе эгоистическое, опредѣляемое классовымъ или групповымъ интересомъ, и идейное или религіозное, приводящее поли-

тическую дѣятельность въ связи съ высшими духовными цѣнностями. Въ дальнѣйшемъ мы будемъ ионориги, конечно, только объ этомъ второмъ.

Можно представить себѣ два типа партійнаго единенія: въ одномъ случаѣ оно происходитъ на почвѣ общаго міровоззрѣнія, такъ сказать, на программѣ-максимумъ или, иначе, основывается на полномъ единовѣрїи, не только политическомъ, но и идеологическомъ, религиозномъ,—таковы обѣ наши социалистическія партіи, которыя въ такой же мѣрѣ можно считать партіями, какъ и религиозными сектами,—не принимая въ надлежащее вниманіе этого обстоятельства, нельзя понять ихъ дѣятельности и надлежаще оцѣнить ихъ вліяніе на жизнь. Подобной религиозной партіей (мы имѣемъ въ виду здѣсь, конечно, чисто формальное сходство) является католическая партія центра въ Германіи, группы христіанскихъ социалистовъ въ разныхъ странахъ, наши старообрядцы и... наша «черная сотня», насколько въ нее входятъ искренніе, фанатичные сторонники міровоззрѣнія, выражаемаго въ девизѣ: православіе, самодержавіе и народность! (Видѣть въ черной сотнѣ однихъ правительственныхъ агентовъ, какъ расположены многіе въ нашемъ образованномъ обществѣ, есть, по моему мнѣнію, удивительное легкомысліе, изобличающее отсутствіе исторической вдумчивости.) Второй типъ партійнаго единенія единовѣрїя не требуетъ, мирится съ религиознымъ разновѣріемъ, если только разныя вѣры эти приводятъ къ практическому единогласію, признанію очередныхъ историческихъ требованій, формулируемыхъ въ программѣ партіи. Иногда это равнодушіе къ религиозному разномыслію проистекаетъ просто изъ безъидейности партіи, движимой своекорыстіемъ и прикрывающейся лишь тѣми или другими девизами. Но такая терпимость вполне искренно можетъ быть возведена въ принципъ, такъ что партійное единеніе опирается только на тождество практической программы. Въ сущности, при такой принципиальной безпринципности каждый членъ представляетъ собой какъ бы отдѣльную партію, опирающуюся на полную программу - максимумъ и объединяющуюся съ другими на общемъ практическомъ блокѣ: это федерація автономныхъ и, до извѣстной степени, разнзаконныхъ штатовъ. Такова въ настоящее время конституціонно-демократическая партія, которая не спрашиваетъ приходящаго

въ нее: како вѣрусши, требуя лишь признанія своей программы и, подобно императорскому Риму, давая мѣсто въ своемъ пантеонѣ всѣмъ культамъ. Поэтому въ нее могутъ входить съ одинаковымъ правомъ атеисты и вѣрующіе, позитивные сторонники религіи челоѣкобожества Канта и Фейербаха и неокантіанцы-идеалисты, равнины и христіанское духовенство, старообрядцы и магометане, социалисты и индивидуалисты. Такимъ образомъ, все, что раздѣляетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ высшую цѣнность и смыслъ практическимъ требованіямъ, оставлено въ скобкѣ, а эти послѣднія, сами по себѣ еще мало говорящія сердцу и уму, выведены за скобку какъ нѣчто общее и объединяющее. Практическій блокъ въ практическихъ цѣляхъ и стремленіе къ объединенію есть, несомнѣнно, прекрасное и похвальное дѣло, въ особенности у насъ въ Россіи, гдѣ каждый сейчасъ тянетъ въ свою сторону и хочетъ основать свою партію. Но въ томъ то и дѣло, что рѣчь идетъ не о блокѣ, а о партіи, о партіи общенародной и всенародной, какой она рисуется въ глазахъ лучшихъ представителей ея. Такая партія должна представлять собой единый духовный организмъ, имѣть общую душу, общую мысль, общую волю, должна представлять собой сверхъ-индивидуальный коллективный организмъ. Объединеніе челоѣческихъ атомовъ, отдѣльных, автономныхъ личностей, удерживающихъ все свое индивидуальное міровоззрѣніе при вступленіи въ партію, можетъ существовать въ большихъ городахъ, въ замкнутыхъ интеллигентскихъ кругахъ, гдѣ хорошо извѣстно, что думаетъ профессоръ А, журналистъ Б, адвокатъ С и гдѣ они великодушно прощаютъ другъ другу индивидуальныя вольномыслія. Но разъ нужно выходить за предѣлы гостиныхъ и итти къ народу, интеллигентскій индивидуализмъ обезсиливаетъ и вредитъ, атомистическая совокупность должна превратиться въ болѣе полную, истинную соборность, имѣющую одну душу и *одну проповѣдь*, ибо вѣдь къ народу нужна проповѣдь. Какую же *общую* проповѣдь, т. е. отъ имени партіи могутъ произнести атеистъ и священникъ, равнинъ и мусульманинъ и т. д.? Вѣдь одно изъ двухъ: или для того, чтобы проповѣдь могла быть дѣйствительна и полна энтузіазма, проповѣдикъ долженъ вложить въ нее всю свою вѣру, изложить всю свою религію и вылить, какъ выводъ изъ нея, дѣйствительную программу партіи,—но тогда, очевидно, партія

распадается на нѣсколько, ибо не можетъ жсодна и та же партія санкціонировать всѣ заразъ эти проповѣди и издавать ихъ всѣ заразъ съ клеймомъ партіи въ качествѣ партійныхъ изданій,—или же партійный проповѣдникъ долженъ оставить дома все, что для него всего дороже, — христіанинъ—свою религію, раввинъ—свою, атеистъ—спую, и ограничиться лишь проповѣдью практической программы. Но не будетъ-ли она страдать тѣмъ практицизмомъ, приурочиваться лишь къ нисшимъ практическимъ интересамъ, какъ среди безыдейныхъ, грубо классовыхъ партій?

Вѣдь то, что для самого проповѣдника или агитатора есть выводъ изъ его общаго міровоззрѣнія, идеаловъ болѣе широкихъ и отдаленныхъ, онъ будетъ сообщать только въ обезкрыленномъ видѣ, доказывая практичность, выгоду этихъ требованій. И какъ бы ни была искренна, трезва и реальна эта проповѣдь, палка будетъ вышиблена изъ рукъ первымъ ударомъ меча, когда рядомъ съ этой практической и трезвой проповѣдью въ головы вступаетъ политической хмѣль социальнаго утопизма, широкихъ перспективъ. Вѣдь когда происходятъ столкновения к.-д. и с.-д., то обѣ стороны говорятъ на совершенно различныхъ языкахъ: на одной сторонѣ всѣ преимущества знанія, трезвости, осторожности, дѣйствительной гуманности, на другой чаще всего фанатической пылъ, нерѣдко въ соединеніи съ слабыми знаніями, совершенно невыполнимыми требованіями, хотя они, по обычной фразеологіи, прикрываются словами о «научной законѣрности», «классовыхъ интересахъ» и т. п. И, если побѣда въ рабочихъ массахъ пока остается всетаки не на первой, а на второй сторонѣ, то это объясняется, конечно, не тѣмъ, чтобы реальная политика к.-д. меньше общала дѣйствительнымъ «интересамъ» рабочихъ, но совсѣмъ другимъ. Проповѣдь въ народныхъ массахъ, въ которыхъ живо еще чувство соборности, «каѳоличности», утраченное индивидуалистической, «уединившейся» интеллигенціей, должна быть религіозна, если только рассчитываетъ захватить народную душу въ лицѣ наиболѣе пылкихъ представителей народа, а не уловлять только «умѣренныхъ и аккуратныхъ», «хозяйственныхъ мужичковъ», разсудительныхъ скопидомовъ. Поэтому въ народѣ, намъ думается, можетъ имѣть широкій успѣхъ проповѣдь христіанскаго социализма или, шире, христіанской общественности. Въ народѣ, вѣрнѣе, въ

одной его части, оторванной отъ христіанства, имѣть успѣхъ проповѣдь атеистическаго социализма, религіи «государства будущаго», классовой ненависти и вражды. Этотъ социализмъ не является религіозно-индифферентнымъ даже и въ узкомъ смыслѣ слова: и теоретически, въ основѣ всего этого міровоззрѣнія, и практически въ тактикѣ партіи лежитъ воинствующій атеизмъ, сознательное и боевое антихристіанство. Въ социалдемократіи не могутъ совмѣщаться, какъ въ к.-д., христіанинъ, согласившійся спрятать въ карманъ свою религію, и атеистъ, снисходительно прощающій своимъ партійнымъ сочленамъ религіозные предрассудки, нѣтъ, здѣсь вопросъ поставленъ остро и непримиримо, какъ онъ ставится самой природой религіи и существомъ дѣла. Ибо, какъ бы ни было велико сходство и близость между практическими программами и требованіями атеистическаго и христіанскаго социализма, между ними существуетъ наибольшая полярность и непримиримая противоположность,—должна идти борьба, какая идетъ между Христомъ и Антихристомъ. Въ партіи же к.-д. заключенъ какъ бы родъ перемирія, существующія противорѣчія погашены. Все признано несущественнымъ по сравненію съ практической программой, но что же вообще осталось существеннаго, если несущественно то, во что вѣритъ человекъ, во имя чего онъ живетъ и дѣйствуетъ? Скажутъ, что нужно спасать Россію. Да, нужно, но въ томъ и состоитъ проклятый вопросъ, какъ можно ее спасти (какъ въ смыслѣ историческомъ, такъ и религіозномъ) и есть ли взаимное духовное самооскопленіе дѣйствительно вѣрнѣйшій путь спасенія?

Даже въ практической программѣ, гдѣ различіе вѣрѣ все же вноситъ нѣкоторые нюансы, стремленіе соблюсти нейтралитетъ привело къ недомолвкамъ или умалчиваніямъ. Укажу, какъ на самый яркій примѣръ, на вопросъ церковный, затрагивающій насущные религіозные интересы многомилліоннаго православнаго населенія и вліятельнаго—въ особенности въ деревнѣ—духовенства. Гнетъ самодержавія надъ православной церковью (какъ я указывалъ это еще на страницахъ «Освобожденія» въ статьяхъ о «Православіи и самодержавіи», напечатанныхъ за подписью Ак.) сильнѣйшимъ образомъ испытывается всѣми не отравленными казенщиной христіанами, и въ стремленіи къ освобожденію церкви, помимо прочаго, заключается для нихъ одинъ изъ сильнѣ-

шихъ мотивовъ въ пользу освободительнаго движенія. Вопросъ о раскрѣпощеніи церкви отъ государства, о будущихъ судьбахъ и положеніи церкви занимаетъ первое мѣсто въ ихъ душѣ и не можетъ занимать иного мѣста въ ихъ проповѣди¹⁾. Что же находятъ такіе члены к.-д. партіи in spe въ ея программѣ по церковному вопросу. Равнодушную, небрежно-брошенную оговорку, соответствующую либеральной «римской» терпимости ко всѣмъ вѣрованіямъ и ко всѣмъ заблужденіямъ, такого содержания: «православная церковь и другія вѣроисповѣданія должны быть свободны отъ государственной опеки». Этотъ пунктъ остался безъ всякаго измѣненія и распространенія и на 2-мъ партійномъ съѣздѣ, когда онъ снова подвергался обсужденію.

Развѣ можно себѣ представить *партійное* изданіе к.-д. по церковному вопросу, нисколько не противорѣчащее программному пункту объ «освобожденіи церкви отъ государственной опеки», но, конечно, трактующее этотъ вопросъ съ единственно-возможной и умѣстной здѣсь положительной христіанской точки зрѣнія? Конечно, нѣтъ, можетъ быть, это и можетъ сдѣлать отдѣльный членъ партіи, но не партія, которая остается «religionislos». А между тѣмъ не естественно ли, напр., духовенству ждать разъясненій прежде всего по этому наболѣвшему вопросу.

Я понимаю, что партія к.-д. поступила въ данномъ случаѣ вполне корректно, ибо большаго она не могла сказать, не выходя за предѣлы своего идейнаго блока, не нарушая нейтралитета въ какую бы то ни было сторону. И, однако, столь же несомнѣнно, что сказаннаго мало, и неудивительно (хотя и прискорбно), если союзъ 17-го октября, въ религиозномъ вопросѣ занявшій въ силу своего болѣе однороднаго въ этомъ отношеніи состава позицію болѣе рѣшительную и опредѣленную, проявившій гораздо больше вниманія къ существующимъ въ церковной средѣ теченіямъ въ пользу всесторонняго возстановленія соборности и выборности въ церковной жизни, перетянетъ на свою сторону многихъ.

Я не берусь судить, могутъ ли отрицающіе религію отказать отъ скрытой или открытой проповѣди своихъ отри-

¹⁾ Мнѣ самому приходилось слышать изъ устъ представителей духовенства, въ общемъ сочувствующаго партіи к.-д., пожеланіе, чтобы въ программѣ ея нашелъ болѣе ясное разрѣшеніе вопросъ церковный.

цательныхъ взглядовъ, но искренняя христіанская вѣра не можетъ мириться со второй ролью или намѣренно быть оставляемой въ тѣни, въ особенности, если дѣло идетъ о проповѣди среди народныхъ массъ и о движеніи народномъ. Можно въ практическихъ требованіяхъ совпадать съ другими партіями и въ цѣляхъ практической политики входить въ тѣ или иныя соглашенія съ ними,—но въ проповѣди своей христіане могутъ выступать только во имя Христа и, слѣдовательно, оставаясь вѣрны себѣ, не могутъ и не должны участвовать въ какомъ бы то ни было идейномъ блокѣ, основанномъ на умолчаніяхъ, взаимныхъ вѣжливостяхъ и приводящемъ къ засариванію жизни безъидейнымъ практицизмомъ безрелигіозной политики, которая для религіознаго человѣка есть величайшее зло нашего времени. Поэтому то, въ виду, съ одной стороны, обязанности для христіанъ участія въ общественной и политической жизни въ цѣляхъ преобразованія ея въ духѣ заповѣди любви, свободы, равенства и братства, а съ другой стороны, въ виду затруднительности и даже прямой невозможности итти въ идейномъ блокѣ, молчаливо отказываясь отъ Христа, слѣдуетъ признать что рано или поздно должна у насъ возникнуть чисто христіанская партія, совершенно чуждая клерикализма, обскурантизма и прочихъ призраковъ прошлаго, но воодушевленная христіанской вѣрой, и, во имя этой вѣры, и идеалами демократіи и социализма (которые, конечно, въ христіанскомъ ихъ пониманіи не имѣютъ ничего общаго съ агеистическимъ социалдемократизмомъ).

Первымъ зародышемъ подобной партіи можно считать малоизвѣстное въ широкой публикѣ нелегальное «Христіанское братство борьбы», и ту же въ сущности задачу преслѣдуетъ и проектируемый мною «Союзъ христіанской политики»¹⁾.

Вѣковой гнетъ, тяготѣвшій надъ русской церковью, дѣлаетъ еще очень затруднительнымъ быстрое осуществленіе такихъ начинаній за неподготовленностью духовной почвы для нихъ, но, я убѣжденъ, что для этого придетъ свое время и, можетъ быть, оно уже не за горами²⁾. Возникно-

¹⁾ См. статью мою «Неотложная задача» въ *Вопр. Жизни* 1905, IX (Отдѣльной брошюрой вышла въ Москвѣ, цѣна 15 к., изд. И. Д. Сытина).

²⁾ Позволю с бѣ по этому поводу сдѣлать маленькое объясненіе

веніе такого движенія, кромѣ своего религіознаго смысла, можетъ имѣть еще и огромное культурнообщественное значеніе, лишь оно можетъ выбить оружіе изъ рукъ вождей черносотенства, ибо, стоя на религіозной почвѣ, только оно можетъ показать религіозный обманъ и неправду этой проповѣди челоѣконенавистничества и реакціи во имя вѣры¹⁾.

Возвращаясь снова къ к.-д. партіи, я повторю въ заключеніе, что главное препятствіе для превращенія ея въ партію всенародную (о которомъ мечтаетъ П. Б. Струве и, конечно, многіе другіе члены партіи) есть ея принципиальная безрелигіозность или внѣрелигіозность въ вышеразъясненномъ широкомъ смыслѣ слова. Представляя изъ себя не только практической (и вполнѣ допустимый, и цѣлесообразный) блокъ, какъ минимумъ очередныхъ требованій, но и идейный блокъ разнорѣчивыхъ и отчасти непримиримыхъ міровоззрѣній, устраняющій возможность общей вѣры и партійнаго энтузіазма, она находится въ состояніи неустойчиваго равновѣсія, отражая на себѣ переходный характеръ нашей эпохи. Такой блокъ былъ возможенъ въ предѣлахъ интеллигентскаго, конспиративнаго и замкнутаго по своему составу «Союза Освобожденія», но онъ трещитъ по швамъ, какъ только заходитъ рѣчь о всенародной широкой партіи и проповѣди къ народу, требующей полной искренности, не допускающей никакихъ умолчаній и идейныхъ блокковъ. Одно изъ двухъ: или партіи к.-д. придется окончательно разложиться на нѣсколько разнородныхъ духовныхъ тѣлъ, входящихъ теперь въ ея составъ и осуществить разныя идейныя возможности, въ ней заложенныя, или же превратиться въ блокъ разныхъ теченій, соединяющихся на общихъ практическихъ требованіяхъ. Но такому сознательному и прочному соединенію должно предшествовать предварительно

pro domo sua. Несмотря на все мое сочувствіе тактикѣ и практической программѣ к.-д. партіи и на искреннее и глубокое мое уваженіе къ многимъ ея дѣятелямъ (съ которыми я связанъ по совместной работѣ въ «Союзъ Освобожденія»), я не могу примкнуть къ этой партіи по указаннымъ причинамъ религіозно-философскаго характера, считая въ то же время своей обязанностью оказывать ей посильное содѣйствіе въ области чисто политическихъ дѣйствій.

¹⁾ Болѣе подробное изложеніе этого вопроса читатель найдетъ въ очеркѣ «Церковь и государство», который появится въ имѣющемъ выйти въ непродолжительномъ времени сборникѣ статей разныхъ авторовъ «Наканунѣ церковнаго собора» (издательство «Религія и свобода»).

и принципиальное раздѣленіе, работа углубленнаго самопознанія.

Сказанное относится, конечно, исключительно къ вопросу объ образованіи партій какъ прочныхъ сооруженій, въ которыхъ каждый находитъ свой идейный домъ и дорогія себѣ духовныя блага. Что же касается очереднаго вопроса о ближайшихъ выборахъ въ государственную думу, застающихъ насъ неготовыми и несорганизованными, то для меня не можетъ быть никакого сомнѣнія, что здѣсь программа к.-д. партіи должна быть общимъ блокомъ для этихъ выборовъ, ибо лишь искренно демократическаго состава дума имѣетъ нѣкоторые шансы умиротворить Россію, и поддерживать на выборахъ искренно-демократическихъ кандидатовъ въ думу есть нашъ общепатріотическій долгъ.

С. Булгаковъ.